

А. А. Жук.

The cover features several decorative geometric patterns. In the corners, there are square motifs composed of multiple parallel lines forming a stepped, inward-pointing shape. At the bottom, there is a large, symmetrical pattern of multiple parallel lines forming a series of nested, downward-pointing chevrons or zig-zags.

**САТИРА
НАТУРАЛЬНОЙ
ШКОЛЫ**

А. А. Жук

САТИРА НАТУРАЛЬНОЙ ШКОЛЫ

Под редакцией проф. Е. И. Покусаева

*Дорогой, дорогой
Раине Зиновьевне
с бесконечной любовью,
преданностью, уважением*

от автора

10/ч-79. Саратов

В книге исследуется процесс формирования реалистической сатиры 1840-х годов, ее теоретического кодекса. Дан развернутый анализ сатиры натуральной школы во взаимодействии с другими литературными явлениями (сатирическая проза «Библиотеки для чтения» и «Москвитянина», В. Ф. Одоевского и Н. Ф. Павлова). Прослеживается проникновение комического отрицания в несатирические жанры (ирония и юмор в романе натуральной школы, пафос отрицания в поэзии). Особое внимание уделено сатирическим опытам раннего Достоевского. Тщательно обследована массовая журнальная сатира.

Книга адресована преподавателям вузов, аспирантам и студентам, учителям, широкому кругу работников культуры и всем интересующимся сатирой и юмором в русской литературе.

В истории русской сатиры натуральная школа связует Гоголя и Щедрина. По своей же собственной сущности натуральная школа определяется в первую очередь как «отрицательное направление» в русской словесности, которое теснейшим образом «было связано с обличением и сатирой»¹. Этот тезис твердо стоит в центре современных историко-литературных построений. Традиция таких определений идет непосредственно со времени существования «школы», когда и противники упрекали молодую литературную плеяду прежде всего в «ограниченности» «отрицательного воззрения на жизнь»², и сторонники усматривали ее главную силу в пафосе «самопознания и критики»³.

Но, хотя научная литература о сороковых годах огромна, все еще не дан четкий ответ на вопрос: какова же была специфика сатиры натуральной школы. Обычные определения ее как «острой», заряженной демократическим протестом и социально чрезвычайно значительной — содержательны и неоспоримы, но они еще не составляют полной характеристики. Кроме того, обращает внимание ставшее привычным в этом случае неразличение понятий «критического» и «сатирического» — некоторое невольное смешение их, когда заходит речь о натуральной школе: оно возникло не случайно и, в свою

---

¹ Макашин С. Салтыков-Щедрин. Биография. I. М., 1951, с. 265. См. также: Пруцков Н. И. Проблемы художественного метода передовой русской литературы 40—50-х гг. XIX ст. Грозный, 1947; Мордовченко Н. И. Белинский и русская литература его времени. М.—Л., 1950; Чалый Д. В. Реализм русской литературы (40-е годы XIX в.). Киев, 1964.

² Как суммировал многочисленные подобные высказывания Белинский в двух последних своих годовых обзорах русской литературы.

³ См. письма В. П. Боткина к А. В. Дружинину (В кн.: Летописи Гослитмузея. 9. Письма к А. В. Дружинину. М., 1948, с. 35, 37, 39—40).

очередь, давно требует уяснения. Исследование объективно-историко-литературного движения русской сатиры от Гоголя к Салтыкову-Щедрину через десятилетнее владычество «школы» также пока не выполненная работа. Общеизвестно признано, что «натуральная школа созрела под влиянием Гоголя, объясняемого тем способом, каким объяснял его Белинский»⁴. Но и здесь неизбежен вопрос: каким же «способом» объяснял Гоголя Белинский и, следовательно, в какой полноте воспринимала и творчески усваивала «школа» гоголевские уроки? Без этого невозможно точно обозначить, как была осуществлена живая передача традиции великого основоположника новой реалистической сатиры великому его преемнику.

Между тем для ответа на все эти вопросы современной наукой сделано так много, что тема «сатира натуральной школы» формулируется естественно: она вызвана самим уровнем нашего сегодняшнего знания эпохи 1840-х годов, ее философии и литературы⁵.

---

⁴ Анненков П. В. Литературные воспоминания. М., 1960, с. 245.

⁵ Помимо большой группы работ, в которых обрисованы общие линии развития литературы XIX века, обозначены масштабы и соотношения основных ее явлений (*Бурсов Б. И.* Вопросы реализма в эстетике революционных демократов. М., 1953; *Соколов А. Н.* История русской литературы XIX в., т. I. М., 1960; *Поспелов Г. Н.* История русской литературы XIX в., т. II, ч. I. М., 1962; *Благой Д. Д.* От Пушкина до Маяковского. Закономерности развития русской литературы XIX — начала XX века. М., 1963; *Фохт У. Р.* Пути русского реализма. Л., 1963; История русской литературы в 3-х тт. М., 1958—1964; История русского романа в 2-х тт. М.—Л., 1962—1964; Проблемы типологии русского реализма. М., 1969; *Фридендер Г. М.* Поэтика русского реализма. Л., 1971; Развитие реализма в русской литературе. В 3-х тт. М., 1972—1974), мы располагаем ценными трудами, непосредственно исследующими литературу сороковых годов в различных аспектах. В. В. Виноградов, А. П. Скафтымов устанавливают момент принципиальной методологической связи натуральной школы с Гоголем: ее отличия от него (в последнее время это направление продолжили С. Г. Бочаров); В. И. Кулешов осуществил фактическое, цельное изложение истории натуральной школы (обозначив все основные для «школы» проблемы: метод, стиль, жанр) и журнала «Отечественные записки» в связи с развитием литературы, без чего никакое дальнейшее изучение этого материала было бы невозможно; А. Г. Цейтлин представил первый (и пока единственный) опыт монографического анализа определенного жанра натуральной школы; Т. И. Усакина — серьезный разбор теоретико-литературных концепций 1840-х годов; Ю. В. Манн в серии статей исследовал «единую художественную философию» натуральной школы, «непосредственно явленную в поэтике»; монографии Н. И. Мордовченко и И. М. Лаврецкого обозначили глубину и новаторство разрешения в критике Белинского основных литературных проблем современности; научными спорами послед

Специальные работы на эту тему отсутствуют. Наша работа вплотную подошла к проблеме комического в литературе 1840-х годов, главным образом, с литературно-теоретического планга (И. М. Лаврецкий, Ю. В. Манн, В. А. Кошелев). Что касается натуральной школы в целом, то лишь В. И. Кулешов отметил в своих работах те общие «сатирические моменты», которые в ней обнаруживаются, не делая этого одним из стержней своего исследования. В обширной же литературе, посвященной Буткову, Далю, Достоевскому, Герцену, Гончарову, Некрасову, Панаеву, Салтыкову, Соллогубу, Тургеневу, заключено немало наблюдений над разнообразнейшими проявлениями комического в их творчестве. Однако это интересует авторов, что вполне естественно, прежде всего как признак индивидуальный.

Но характер комического и сформированный им тип сатиры очевидно принадлежат к тем большим категориям, которые определяют натуральную школу как целое. Ю. В. Манн справедливо акцентировал внимание на уровне возможных для «школы» сопоставлений⁶: подлинное внутреннее, творческое единство ее действительно обнаруживается лишь если взят необходимый аналитический масштаб. Тип сатиры (так же, как и тип конфликта, о чем писал Ю. В. Манн) является одним из реально объединяющих «школу» начал.

Следует заметить далее, что сатира натуральной школы — только часть, хотя и принципиально самая существенная, стержневая, темы более обширной: русская сатира 1840-х годов вообще. В пределах этой эпохи есть и иные, вне натуральной школы лежащие явления того же литературного ряда: опыты В. Ф. Одоевского, Н. Ф. Павлова, сатирическая проза «Библиотеки для чтения» и «Москвитянина», болгаринские «нравственно-сатирические» сочинения. Сатира натуральной школы развивается в сложных и разнородных взаимодействиях с ними, образуя один из важнейших, узловых моментов

этого десятилетия вновь, после длительного перерыва, был поставлен вопрос о славянофильской критике (статьи В. В. Кожинова и В. А. Кошелева, материалы дискуссии о славянофильстве в журнале «Вопросы литературы» — 1969, № 5, 7, 10, 12). Поскольку все эти работы будут неоднократно привлекаться дальше — подробные библиографические указания здесь отсутствуют. Моменты согласия и расхождения с их авторами также выясняются в конкретном изложении.

⁶ Манн Ю. В. *Философия и поэтика «натуральной школы»*. — В кн.: *Проблемы типологии русского реализма*. М., 1969, с. 286.

истории русской классической сатиры, истории, пока еще не написанной, хотя для литературы, которая, по слову Достоевского, «началась сатирой» и «продолжалась ею», такая задача существенна.

Сороковые годы — переходный момент в самой практике русской сатиры и в литературно-теоретическом, эстетическом осмыслении этого понятия. Именно тогда происходит формирование качественно иной — реалистической сатиры (сохранившей свой облик до настоящего времени) и нового теоретического взгляда на нее. Процесс этот был сложным и в 1840-е годы завершиться не успел, хотя у некоторых современных исследователей ощутимо стремление представить его законченным. Эта «незавершенность» создает особый интерес, но и немалые сложности для исследования.

О том, что возможности сатиры в литературе — проблема, оставшаяся тогда открытой, свидетельствует прежде всего восприятие творчества Гоголя, которое было характерно для той эпохи, и возникшие на этой основе дальнейшие теоретические построения. Во второй половине 1840-х годов не только для Белинского и его последователей, но, по-своему, и для их антагонистов, славянофильских критиков, традиция гоголевского реализма поглощала традицию сатиры Гоголя. Литературные теории сороковых годов, различаясь во многом, сосредоточились в одном пункте — предпочитая определенный (жизненно-подобный) тип комического, отвергнув другие возможные его формы (в последнее время на это уже обращалось внимание Белинский, предложив гипотезу естественного отмирания сатиры в новой литературе, стремился удержать ее отрицающее начало в более широком понятии критического отношения действительности, которое объявлялось необходимым признаком русского реализма на современном этапе.

Прямое изучение сатиры натуральной школы, ее литературного фонда невозможно без предварительного обращения к журнальным и эпистолярным спорам, к теоретическим оценкам сатиры в критике: для этого времени для этой литературной группировки «порождающая эстетика» — явление очень характерное. Хотя в определенный момент «словесность» выбивается из-под власти «теории», противостоит ей, и здесь возникают исключительно перспективные явления (сатира у раннего Достоевского), в целом из самого отношения к сатире как специфической, особой сфере словесного искусства, из особенностей теоретического взгляда на нее, присущего сороковым годам, вытекает и особенность р

альных форм бытования сатирического начала в литературе этого десятилетия.

Эти формы бытования оказались таковы (и здесь заключается ожидающая нас трудность), что они-то и предопределили столь частое в работах о натуральной школе наложение друг на друга понятий критики, отрицания и собственно сатиры. Натуральная школа попыталась создать сатиру, лишенную многих, казалось бы, неизбежных для нее способов выражения. Взамен она искала и находила свои собственные. «Натуральность» и «жизнеподобие» комического на два десятилетия оттеснили «юмор страстный, гиперболический»⁷.

Обследуя непосредственный художественный состав, сатирический «фонд» натуральной школы, убеждаешься, что сатира в эти годы, не создав особых формообразований, которые были бы ее специальным вместилищем, облюбовала жанры, подсказанные школой, и изнутри пыталась подчинить их себе. Отсюда — необходимость привлекать к анализу писателей, которых — в дальнейшем их творчестве — исследовательская традиция обоснованно к сатирикам не относит, рассматривать в свете нашей задачи жанры, вообще далеко отстоящие от сатиры, и явления в целом не сатирические. (В частности, нам неизбежно придется обращаться к общему состоянию романа и поэзии в это время). Разумеется, все это следует делать, стараясь не менять незаметно угол зрения, образованный единственной целью: проследить, в конечном счете, судьбу именно русской сатиры в исследуемый период.

Но при этом понятием «сатира натуральной школы» должны быть изнутри объяснены разные явления — разные в жанровом отношении, по времени, по масштабу и уровню. Этот резкий перепад в уровне литературных явлений, с которыми нам предстоит иметь дело, также включает угрозу немалых затруднений. Для разрешения темы необходим охват материала от классики до «литературно онемевших окаменелостей», по выражению В. Ф. Переверзева, от прославленных имен — до тех, которые в нашем сознании привычно противостоят передовой литературе и критике (лагерь «Москвитянина») и даже до прямо одиозных (О. И. Сенковский).

Относительно последнего пункта следует сказать, что изучение литературного процесса сороковых годов (с его сложностью, которая не однажды из лучших побуждений упрощалась) особенно нуждается в конкретности. В послед-

⁷ Григорьев А. Литературная критика. М., 1967, с. 191.

нее время остро обнаружилась «недостаточность общих представлений» о таком «сложном явлении», как славянофильская трактовка Гоголя⁸. Даже «роль Булгарина в истории русского очерка <...> определена <...> без должной объективности» — свидетельствует современный исследователь⁹. В большей мере это относится к О. И. Сенковскому, фамилия которого обычно служит для завершения «черного списка» литературных имен 1830—1840-х годов (так что серьезная, со- койно-аналитическая книга В. А. Каверина «Барон Брамбус»¹⁰ кажется почти парадоксом). Речь идет не о том, следует заняться самоцельным ниспровержением устойчивых репутаций — это столь же бесполезное дело, как и подчинение их гипнозу. Ясно только, что за многие годы исчерпался обычай насмешливого использования творчества «отрицательных» авторов в качестве контрастного фона, подцветки серьезному анализу «настоящей» литературы. Очевидно, здесь (как в других, идейно-этически более легких случаях) тоже необходима та конкретность, которая «исключает одностороннее восхваление (или осуждение) и требует учета различных, противоположных данных»¹¹.

Необходимость вовлекать в историко-литературное изучение так называемую массовую литературу очевидна давно. Ясно, что без нее теряется многое в осмыслении литературных процессов. «Без учета и внимательного изучения явлений этого заглохнувшего мира <...> история любого жанра не может быть построена <...> так как остается вне поля зрения <...> процесс зарождения, роста и созревания жанра», утверждал В. Ф. Переверзев относительно романа¹². Это вполне применимо и к истории русской сатиры, жалуй, с одной поправкой: непосредственное читательское впечатление таково, что «массовая сатира» 40-х годов обещала гораздо меньше, чем другая журнальная проза, со- ст

⁸ Кошелев В. А. «Мертвые души» Н. В. Гоголя в трактовке раннего славянофилов. — «Русская литература», 1976, № 3, с. 83—84.

⁹ Чистова И. С. Из истории русского очерка 1840-х годов. — «Русская литература», 1974, № 1, с. 126.

¹⁰ Каверин В. А. Барон Брамбус. М., 1966.

¹¹ Манн Ю. В. Факультеты Надеждина. — В кн.: Надеждин Н. И. Литературная критика. Эстетика. М., 1972, с. 4.

¹² Применительно к нашему материалу на этом настаивал А. Г. Цейтлин в своей ранней книге «Повести о бедном чиновнике Дювского (к истории одного сюжета)», (М., 1923, с. 1—2).

¹³ Переверзев В. Ф. У истоков русского реалистического романа. 1965, с. 4—5.

являвшая повседневный круг чтения в то же время. Последняя трудом воспринимается сейчас — после Тургенева, Гончарова, Толстого; сатира, среди всей журнальной беллетристики, выглядит наиболее литературно жизнеспособной. Многие из сатирических произведений сороковых годов, безусловно, томятся переиздания и незаслуженно оказались похороненными на журнальных страницах.

Хотя потребность в освоении подобных явлений осознана вполне, подход к ним еще не очень четко определен. Такие сопоставления с гигантами литературы, когда заранее известно, кто выше, и это же служит конечным итоговым выводом, — бесполезны. Массовая сатирическая литература являла и очевидный контраст завоеваниям, вершинным достижениям. Но интереснее в ней все же те стороны, которыми она участвует в подготовке русла «большой» сатиры. То, что рядовые литераторы нередко ведут первичную разработку материала, «выступают в качестве разведчиков и первооткрывателей»¹⁴ его, было ясно уже их современникам¹⁵. Но иногда им доступны открытия не только материала, но и принципов — это и дает основания утверждать методологическую возможность «влияния», идущего в иных случаях «снизу», от массовых литературных сил к большим художникам¹⁶. В общем «сатирическом брожении» литературы 1840-х годов такие случаи были нередки. В. И. Кулешов в монографии об «Отечественных записках» намечает плодотворный путь: «великое» и «малое» изучать не столько в непосредственном столкновении друг с другом, сколько в их общем отношении к процессу объективного становления определенного литературного явления¹⁷. Здесь (на разных стадиях процесса) опережающей может быть и роль «малых» явлений, хотя конечные литературные результаты их будут сняты художественной емкостью «великого».

¹⁴ Бурсов Б. И. Об изучении реализма. — В кн.: Проблемы реализма русской литературы XIX в. М.—Л., 1961, с. 12.

¹⁵ Любопытное суждение критика «Иллюстрации» о том, что творчество Буткова «служит <...> натурой» Достоевскому приводит И. С. Чистова в статье «Бутков и Достоевский» («Русская литература», 1971, № 4, с. 103).

¹⁶ Бушмин А. С. Преемственность в развитии литературы. Л., 1975, с. 96.

¹⁷ «...полноту жизни литературы мы и хотели показать, выделив в творчестве самих гениев (Лермонтов, Гоголь) те моменты, которые характеризуют их как участников этого коллективного движения» (Кулешов В. И. «Отечественные записки» и литература 40 годов XIX в. М., 1958, с. 348).

Очевидно, каждый факт массовой сатиры следует очень тщательно вписывать в движение журнальной литературы да же не «эпохи», а точно определенных годов, связывать оценками и мнениями повседневной, текущей критики. В то же время нет смысла, конечно, искусственно создавать «литературный мирок» со специально уминиатюрными требованиями — большой масштаб классической литературы забывать здесь тоже нельзя. Для наиболее верного освещения таких явлений, с которыми нам придется иметь дело, видимо потребуются как бы две оптики, совмещение двух измерений

Сатира — лишь один из аспектов литературы сороковых годов, натуральной школы в целом. Но если помнить замеченную еще Белинским закономерность: характер сатиры на каждом отрезке ее бытия «родствен» «художественному характеру» всей литературы¹⁸, наша тема получит прямую связь с актуальной задачей современного литературоведения: историко-типологическим «рассмотрением развития русского реализма»¹⁹.

---

¹⁸ *Белинский В. Г.* Кантемир. — Белинский В. Г. Полн. собр. соч., в 13-ти тт. Т. VIII, М., Изд-во АН СССР, 1955, с. 615. В дальнейшем цитируется это издание с указанием в тексте тома, страницы.

¹⁹ Развитие реализма в русской литературе, т. I. М., 1972, с. 7.

21,00

ОГЛАВЛЕНИЕ

Введение	3
Глава 1. В теоретическом поиске	11
Глава 2. Сатирические принципы натуральной школы. «Школа» и ее литературные спутники	62
Глава 3. Облик сатирического героя	108
Глава 4. Формы и способы повествования	141
Глава 5. Комическое отрицание вне сатиры. Достоевский в 1840-е годы и гоголевская традиция	175
Заключение	221
Указатель имен	229

Алла Александровна Жук

САТИРА НАТУРАЛЬНОЙ ШКОЛЫ

Под редакцией проф. **Е. И. Покусаева**

Редактор М. П. Ларина

Технический редактор Л. В. Агальцова

Обложка художника П. И. Карчевского

Корректор Т. Ф. Багищева

НГ29127. Сдано в набор 23/V-1978 г. Подписано к печати 26/III-1979 г.
 Формат 60×84¹/₁₆. Бум. тип. № 3. Усл. печ. л. 13,48(14,5). Уч.-изд. л. 14.
 Тираж 1500 экз. Заказ 7005. Цена 1 р. 40 к.

Издательство Саратовского университета, Университетская, 42.
 Типография издательства «Коммунист», Волжская, 28.